

Гомон Андрей Михайлович

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Gomon Andrey

*PhD in Philology, Associate Professor of the Department of
Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Терещенко Любовь Яковлевна

*доцент кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Tereshchenko Liubov

*Associate Professor of the Department of
Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Заверющенко Николай Петрович

*старший преподаватель кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Zaveryuschenko Nikolay

*Senior Lecturer of the Department of
Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

Лухина Марина Юрьевна

*старший преподаватель кафедры украинского, русского языков и прикладной лингвистики
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Luhina Marina

*Senior Lecturer of the Department of
Ukrainian, Russian Languages and Applied Linguistics
National Technical University
«Kharkiv Polytechnic Institute»*

**ТЕМА СМЕХА В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА:
«ИСКРЕННИЙ СМЕХ» (1910)**

**LAUGHTER TOPIC IN THE LATER WORKS OF LEONID ANDREEV:
«SINCERE LAUGHTER» (1910)**

Аннотация. В статье впервые осуществлен анализ малоизвестного произведения Леонида Андреева «Искренний смех» в контексте эволюции темы смеха в позднем творчестве писателя.

Ключевые слова: смех, мотив, маска, ирония, пародия, комизм, юмор.

Summary. The article analyzes for the first time the little-known work of Leonid Andreev «Sincere Laughter» in the context of the evolution of the theme of laughter in the late work of the writer.

Key words: laughter, motive, mask, irony, parody, comic, humor.

Поздняя проза Леонида Андреева — до сих пор наименее изученная часть его творческого наследия. В литературоведческом восприятии сложилось устойчивое представление о незначительности или вторичности поздних произведений писателя, как правило, они редко привлекают внимание исследователей (за исключением «Сашки Жегулева» (1911) и «Дневника Сатаны» (1919)). В существующих исследованиях И. Московкиной [5], С. Ясенского [8] и др. отмечена чрезвычайно важная роль смехового начала в поздней прозе Андреева, однако эта проблема требует дальнейшего всестороннего осмысления.

Фельетон-юмореска «Искренний смех» (1910), — одно из наиболее характерных произведений Леонида Андреева 1910-х годов, свидетельствующее о переосмыслении писателем темы смеха по сравнению с его предыдущим творчеством. «Искренний смех», имевший первоначальный подзаголовок «*Рассказ веселого человека*», восходит к детским воспоминаниям писателя, которому уже тогда было присуще обостренное чувство иррационального комизма, переполняющего мир: «Известная басенка о путешествии соломинки, лаптя и пузыря заставляла меня хохотать до упада. И что мне представилось, не знаю, но то был момент непередаваемой остроты смеха, глубочайшего комизма. После него <...> все эти «Сатириканы» — лишь бледное приближение к смеху» [2, с. 213].

Как справедливо отмечала Н. Смоголь, Андреев «в сфере литературно-публицистического поведения <...> использовал систему масок, надеваемых с целью многостороннего и углубленного освещения современных проблем, использования различных стилистических средств и возможностей» [6, с. 53]. Но если в его ранней публицистике «рассказчик чаще всего смотрел на окружающую его абсурдную реальность как бы со стороны, но не принадлежал ей, поскольку видел всю ее несостоятельность, смехотворность и одновременно трагизм, проистекающий из слепого подчинения ей» [6, с. 53], то для позднего Андреева характерен «взгляд изнутри» — либо словоохотливого рассказчика-смехача, недалекого балагура, не знающего меры и границ своего смеха («Искренний смех» (1910), «Талант» (1915), «Человек и смех» (1916)), либо мастера «черного» анекдота («Мои анекдоты» (1915, 1916)).

В «Искреннем смехе» Андреев надевает маску, что позволяет ему вести свободное повествование

как бы от другого лица, за которое автор несет только косвенную ответственность. Фельетон написан в форме монолога типичного представителя дешевой развлекательной юмористики, тупо-самодовольного поставщика «искреннего» смеха, очищенного не только от сатиры и морали, но и остроумия, любящего, однако, подобно герою-ернику Достоевского, «здоровый смех и веселую шутку» [4, с. 261].

Автор начинает повествование вполне тривиально: «Только раз в жизни я так смеялся» [1, с. 187]. Эта «интригующая» фраза (испытанный фельетонный прием) призвана настроить читателя на нечто необыкновенное и потрясающе смешное. Далее следует описание самого настоящего приступа неподдельного гомерического хохота, принимающего вид болезни: «это был хохот, властно овладевший не только лицом, но и всем моим телом. Он полчаса душил меня и бил, как в коклюше, он выворачивал меня наизнанку, бросал на траву, на постель, выворачивал руки и ноги, сокращая мускулы в таких жестоких судорогах, что окружающие уже начали опасаться за мою жизнь» [1, с. 187].

По сути, весь дальнейший рассказ «веселого человека» (так рекомендует себя сам рассказчик) — это своеобразная «преамбула», подготовка читателя к анекдоту («смешному случаю»), самому по себе поразительно бессмысленному. Причина же веселого настроения рассказчика в том, что он смеется («где умному горе, там глупому веселье») над своей бабушкой, которая, «идя по садовой дорожке, наткнулась на протянутую веревку и упала носом прямо в песок. И дело в том, что веревку протянул я сам!» [1, с. 189].

Эта незамысловатая, банальная ситуация (вспомним жестокие и грубые шутки бурсаков Помяловского), заключающая в себе плоский юмор (мотив Достоевского: «в каждом несчастии ближнего есть всегда нечто веселящее...» [4, с. 255]), выливается в апофеоз безудержной насмешливости, которая ни перед чем не останавливается, что и приводит к разоблачению героя-рассказчика. Одновременно это позволяет Андрееву, примеривающему на себя маску ограниченного балагура-пустослова, высказать важные для него мысли об истинности смеха: «для искреннего смеха необходимо что-нибудь совсем простое, ясное, как день, бесхитростное, как палец, но палец, поставленный в условия высшего комизма <...> искренний чистый и приятный смех, даже только веселая, но искренняя улыбка составляют

одно из украшений жизни, быть может, даже *наивысшую ценность ее*» [1, с. 187–188].

Фельетон Андреева пародийно направлен против «занимательной», так называемой «понеделничной» печати — еженедельных, развлекающих обывателя изданий, выходявших в выходной для «серьезной» прессы день. Подобного рода издания были рассчитаны, как правило, на невзыскательного читателя и культивировали примитивные представления о смешном: «вот это анекдот — *смейтесь!* Вот это юмористический журнал — *хохочите на весь гривенник!*» [1, с. 188].

По нашему мнению, пародируя примитивный, «здоровый» комизм подобных изданий, а также всяческие претензии на остроумие под видом пустословия, Андреев иронизирует и над «королем смеха» — А. Аверченко. В своем фельетоне писатель высмеивает не только его теорию «бодрого смеха», но и тип героя — простодушного, насмешливого созерцателя. К началу 1910-х годов такое «*соединение простоты, здравого смысла с веселостью*» («краснощекий юмор») [7, с. 96–97] все отчетливее трансформировалось в пустое и бездумное смехачество, в «*смех ради смеха*», что неоднократно отмечалось критикой того времени [7, с. 99].

Но авторская позиция в «Искреннем смехе» не исчерпывается иронически-пародийной основой, «*злой насмешкой над смехом*» (Вяч. Полонский), а оказывается гораздо глубже и сложнее. Авторская ирония и сарказм здесь «загримированы» под детски-алогичную наивность и прямодушные повествователя с его саморазоблачением в почти абсурдном финале. По справедливому наблюдению И. Московкиной,

Андреев «как бы *юродствует*, издеваясь и над добропорядочными читателями и их обывательской моралью, и над собой, выставляя себя дураком и пошляком, и под этой *маской* произнося важные для себя слова» [5, с. 127].

О тревожных признаках замены чувства юмора «*сардоническим смехом*», «который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской *улыбки*, кончается — буйством и *кощунством*», о *демонической* энергии болезненно-иступленного смеха в современниках, писал в 1908-м году А. Блок: «Я знаю людей, которые готовы задохнуться от смеха, сообщая, что умирает их мать, что они погибают с голоду, что изменила невеста. Человек хохочет <...> И мне самому смешно <...> Самого меня ломает бес смеха; и меня самого уже нет. Нас обоих нет. Каждый из нас — только смех...» [3, с. 345–346].

Таким образом, Андреев в «Искреннем смехе» впервые в своем творчестве затрагивает вопрос о морально-нравственных границах юмора и остроумия. Как и ранее Блок, писатель предупреждает об опасности вырождения *истинной веселости в физиологический смех*, изнурительный и безрадостный. По Андрееву, это происходит вследствие все более возрастающей в начале XX века приверженности человека *внешним формам смехового поведения*, лишённого этических импульсов. Это породило такую разновидность юмора, как «черный», а также литературу абсурда XX столетия. Мотив *смеха* в таких произведениях соседствовал с мотивом *смерти*. В поздней прозе Андреева дальнейшее сближение этих мотивов происходит в повести «Он. Рассказ неизвестного» (1913), а также в «Моих анекдотах» (1915, 1916).

Литература

1. Андреев Л. Н. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. СПб.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1913. Т. 6. 368 с.
2. Андреев А. Н. Из воспоминаний о Л. Андрееве. Красная новь. 1926. № 9. С. 209–223.
3. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.; Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 5. 510 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.
5. Московкина И. И. Проза Леонида Андреева: жанровая система, поэтика, художественный метод: учеб. пособие. Харьков: Изд-во ХГУ, 1994. 152 с.
6. Смоголь Н. Н. Автор, имя, псевдоним, маска в публицистике Леонида Андреева // Юбилейная междунар. конф. по гуманитарным наукам: материалы. Орел, 2001. Вып. 2: Л. Н. Андреев и Б. К. Зайцев. С. 48–54.
7. Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века. М.: Наука, 1977. 304 с.
8. Ясенский С. Ю. Леонид Андреев — новеллист: 1910-е годы / Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 238–255.